

КОНТРАСТ КАК СПОСОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСТВЕННОСТИ

Для викторианской ментальности характерно противопоставление яркой внешней красоты и красоты внутренней, скрытой, при этом ценность последней намного выше. Одной из характеристик викторианских романов является противопоставление физической и духовной красоты. При этом авторы прибегают к сравнению двух противоположных женских персонажей, один из которых олицетворяет только физическую привлекательность, а другой – высокие моральные качества.

Амбивалентное восприятие женской красоты отражено в викторианских романах с помощью приема *контраста*. В текстах контраст проявляется как на содержательном, так и на языковом уровнях. Большинство произведений характеризуется наличием двух героинь антиподов (Ребекки и Эмилии в «Vanity Fair», Хэтти и Дайны в «Adam Bede», Джиневры и Полины из «Villette», Люси и Мэгги в «The Mill on the Floss»), одна из которых воплощает стереотипные представления о женщине, а другая – нетипичные женские качества.

На языковом уровне эффект контраста достигается с помощью широкого круга стилистических приемов: антитезы, оксюморона, повтора и т. п. При этом в качестве антонимов – элементов контрастного сравнения – выступают как отдельные лексемы, так и метафорические выражения. Особенно эксплицитно контрастное сравнение присутствует в описаниях героинь, одна из которых

отличается только физической, а другая – духовной красотой. Таковы, например, описания Джиневры и Полины, Дайны и Хэтти:

*At dinner that day, Ginevra and Paulina each looked, in her own way, very beautiful; the former, perhaps, boasted the advantage in **material** charms, but the latter shone pre-eminent for attractions more **subtle** and **spiritual**: for light and eloquence of eye, for grace of mien, for winning variety of expression* [2, с. 412].

Эффект контраста в приведенных описаниях достигается посредством применения лексики, относящейся к антонимическим сферам: «материальный» – «духовный», «яркий» – «невзрачный», «умеренный»: *material – spiritual; ruddy, replete – refined, tender, vestal; flushed, glistening – subdued, sublime.*

Противопоставление осуществляется также на метафорическом уровне. Так, в противовес метафорам *beauty that strikes the eye like a rose, opaque vase, broadest camellia* используются метафоры *a lamp chastely lucent, white violet.*

Большая ценность духовной красоты по сравнению с духовной подчеркивается с помощью неоднократного употребления отрицания *not with ... not with* и союза *though*. Применение повтора отрицательных союзов акцентирует внимание на незначительной ценности физической привлекательности по сравнению с душевными качествами. Лексема *beauty* употребляется в посессивной конструкции с *of*, в качестве референтов которой выступают антонимические лексемы, описывающие духовные и физические качества:

*Without **beauty** of feature or elegance of form, she pleased. Without youth and its gay graces, she cheered* [2, с. 129].

*<...> a **beauty** neither of fine colour nor long eyelash, nor pencilled brow, but of meaning, of movement, of radiance* [1, с. 75].

К приему контраста викторианские писатели прибегают не только при сравнении двух героинь, но и с целью акцентирования изменений во внешнем виде женщины, пережившей трагедию. Так, в описании Хэтти, чья детская красота исчезает, когда она переживает разочарование, страх, а впоследствии даже становится убийцей собственного ребенка, употребляется антонимическая лексика со значением «веселый» – «печальный», «злой»; «румяный» – «бледный».

Прием контраста применяется и тогда, когда женщина пытается скрыть свое истинное лицо. Так, бездуховность Ребекки отражается в ее внешнем виде, когда она остается наедине с собой:

*He fell asleep after dinner in his chair; he did not see the face opposite to him, **haggard, weary, and terrible**; it lighted up with **fresh candid** smiles when he woke* [5, с. 509].

Викторианские писатели стремятся доказать ложность физической привлекательности, прибегая к оксюмору: *dear deceit of beauty, pretty deceits of beauty*. Этот прием свидетельствует о неоднозначном отношении викторианцев к женскому кокетству. С одной стороны, кокетство вызывает восхищение, о чем свидетельствуют выражения *pretty deceits of coquettish beauty, pretty airs of coquetry*:

*I know that, as a rule, sensible men fall in love with the most sensible women of their acquaintance, see through all the **pretty deceits of coquettish beauty*** [3, с. 338].

С другой стороны, викторианцы подчеркивают невысокую ценность физической привлекательности. В романах прослеживается мысль о том, что женщины, в отличие от мужчин, скорее способны распознать обманчивость физической красоты у женщины, неспособной к настоящим чувствам:

*It is generally a feminine eye that first detects the moral deficiencies hidden under the '**dear deceit**' of beauty* [3, с. 156].

В высказываниях женщин духовные качества оцениваются выше, чем физические, что выражается с помощью антонимического употребления или сравнения лексем, относящихся к материальной и духовной сферам (*face, complexion – heart, gift*). Так, героини У. Теккерея и Дж. Мередита осуждают неспособность мужчин распознать бессердечие или, наоборот, душевную красоту женщины:

*She is but a poor lackadaisical creature, and it is my belief has no **heart** at all. It is only her pretty **face** which all you gentlemen admire so* [5, с. 374].

Неразрывная связь красоты и духовности вербализируется в произведениях с помощью параллельного употребления лексемы *beauty* и ее синонимов и лексемы *soul*, которая при этом персонифицируется:

*It was a moment when a woman's soul is more incarnate than at any other time; when the most spiritual **beauty** bespeaks itself flesh; and sex takes the outside place in the presentation* [4, с. 217].

В описаниях бездуховной женщины также встречается персонификация лексемы *soul*, которая употребляется с лексемами, имеющими негативные коннотации (*hard, unloving, despairing, narrow, bitterness*):

Poor wandering Hetty, with the rounded childish face, and the hard unloving despairing soul looking out of it – with the narrow heart and narrow thoughts, no room in them for any sorrows but her own, and tasting that sorrow with the more intense bitterness [3, с. 371].

Идея о связи телесного и духовного особенно эксплицитно выражена в произведениях поздних викторианцев. Так, например,

в образе Тесс сочетается физическая, даже эротическая привлекательность и богатый духовный мир. Кроме того, внешность женщины у Т. Харди неразрывно связана с ее эмоциональным состоянием и вербализуется путем принятия антонимических лексем, описывающих героиню в счастливые и грустные моменты:

*Her face had latterly changed with changing states of mind, continually fluctuating between **beauty** and **ordinariness**, according as the thoughts were **gay** or **grave**. One day she was **pink** and **flawless**; another **pale** and **tragic*** [4, с. 134].

Таким образом, для викторианства не характерно гедонистическое любование физической красотой. Физически привлекательная, но безнравственная женщина вызывает осуждение. Героини, объединяющие духовную и физическую красоту, появляются только в произведениях поздних викторианцев.

Литература

1. Brontë, Ch. Jane Eyre / Ch. Brontë. – L.: Penguin Books Ltd., 1994. – 447 p.
2. Brontë, Ch. Villette / Ch. Brontë.. – L.: David Campbell Publ. Ltd., 1992. – 657 p.
3. Eliot, G. Adam Bede / G. Eliot. – L.: Penguin Books Ltd., 1994. – 507 p.
4. Hardy, T. Tess of the d'Urbervilles / T. Hard. – L.: Penguin Books Ltd., 1994. – 508 p.
5. Thackeray, W. M. Vanity Fair / W.M. Thackeray. – L.: Penguin Books Ltd., 1994. – 672 p.